

Антикоррупционный комплаенс: международные стандарты и действующее законодательство Российской Федерации

Н.В. Ковалева

ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Москва

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва

В статье рассматривается антикоррупционный комплаенс как превентивный механизм, переводящий запреты и ограничения в проверяемые корпоративные процедуры. Анализируются требования российского законодательства, связь комплаенса с административной ответственностью и роль антикоррупционной экспертизы. Показано значение универсальных стандартов ООН и внешних критериев «мягкого права» для трансграничного оборота.

Ключевые слова: антикоррупционный комплаенс, профилактика коррупции, конфликт интересов, антикоррупционная экспертиза, посреднические схемы, незаконное вознаграждение.

Коррупционные практики в российском правовом порядке квалифицируются как совокупность деяний, охватывающих злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп и иные формы незаконного использования должностного статуса вопреки законным интересам общества и государства в целях извлечения выгоды, включая случаи, когда такие действия совершаются от имени либо в интересах юридического лица [4]. Подобная законодательная конструкция принципиальна, поскольку переносит акцент с последующей уголовно-правовой реакции на выявление условий, в которых коррупционные риски воспроизводятся в управленческих и хозяйственных процедурах при соприкосновении публичных полномочий с частными интересами, прежде всего в сфере закупок, разрешительных режимов, контроля и надзора, а также предоставления льгот и преференций [14]. На практике именно в таких ситуациях результат начинает зависеть от усмотрения и неформальных коммуникаций. В этой связи неизменно возрастает роль процедурных фильтров, которые заранее ограничивают пространство произвольного выбора для участников такого рода правоотношений [15]. Законодательная модель противодействия коррупции прямо фиксирует приоритет профилактики и комплексность мер, где профилактика в правовом смысле означает перевод внешних запретов и ограничений в проверяемые регламенты. К ним относятся сроки, основания и критерии принятия решений, маршруты согласования и документируемые контрольные точки [16].

Антикоррупционный комплаенс в организации представляет собой систему внутренних правил и процедур, которая помогает компании заранее предотвращать коррупцию и снижать связанные с ней риски. Российская модель прямо закрепляет обязанность организаций формировать набор превентивных мер: ст. 13.3 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (далее – Закон о противодействии коррупции) ориентирует юридическое лицо на выявление и снижение коррупционных рисков через внутренние регламенты и контрольные процедуры, а не только через реакцию на уже совершенные правонарушения.

Важно отметить, что законодатель задает минимальный набор обязательных элементов комплаенса, оставляя организации пространство для риск-ориентированного наполнения. В частности, меры должны быть соразмерны масштабу деятельности, структуре управления, степени контакта с публичным сектором, роли посредников и особенностям финансовых потоков. Практический смысл такого подхода – перевод зон усмотрения в режим заранее заданных критериев и документируемых проверок, при котором коррупционное поведение становится существенно более затруднительным.

Антикоррупционный комплаенс в современных реалиях выполняет три главные задачи. Первую разумно охарактеризовать как регулятивную: формирование внутренней антикоррупционной политики и стандартов поведения, включая кодекс этики, правила взаимодействия с контрагентами и публичными должностными лицами, требования к подаркам и представительским расходам, процедуры декларирования и урегулирования конфликта интересов. Вторая задача сочетает в себе преимущественно контрольные мероприятия и представляет собой создание документированной фиксации управленческого решения (полномочий, проверка деловой цели платежей, бухгалтерская прозрачность, контроль посредников, фиксация оснований выбора поставщика), что снижает зависимость результата от неформальных коммуникаций. Третья задача связана с формированием устойчивой организационной основы комплаенса: распределением ответственности внутри организации, назначением уполномоченных лиц (подразделений), обучением работников, а также созданием каналов для сообщений о нарушениях с процедурами их рассмотрения и внутренней проверки.

В отечественной правоприменительной практике ориентиром для детализации и практического наполнения указанных мер выступают методические рекомендации уполномоченных органов, например, Методические рекомендации Минтруда России по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции конкретизируют меры ст. 13.3 и формируют своего рода типовой каркас антикоррупционной системы (политика,

ответственность, контроль, реагирование). Их применение переводит законодательно заданный минимум в прикладные процедуры без формального копирования [12].

Ключевые элементы антикоррупционного комплаенса концентрируются вокруг зон повышенного риска, где вероятность злоупотреблений выше. Практика показывает, что в первую очередь к таким зонам относятся закупочные процедуры, использование агентских и посреднических схем, разрешительные взаимодействия с публичным сектором, контроль качества и приемка работ, а также благотворительная и спонсорская деятельность [18]. Существенную роль играет и система проверок контрагентов, предполагающая анализ деловой репутации, выявление аффилированности и документирование экономической обоснованности вознаграждений и оказываемых услуг. Существенное значение имеет и внутренняя организационная составляющая комплаенса, обеспечивающая устойчивость профилактических процедур: независимость уполномоченных лиц, регулярный мониторинг, проведение внутренних проверок с соблюдением трудовых и процессуальных гарантий, а также применение дисциплинарных и корректирующих мер по итогам выявленных нарушений.

В рассматриваемой сфере правоотношений такие принципы, как законность, публичность, неотвратимость ответственности, комплексность мер, сотрудничество государства и общества имеют прикладное значение прежде всего через приоритет профилактики. На уровне институционального дизайна закон закрепляет вертикаль ответственности и координации: Президент Российской Федерации определяет основные направления государственной политики и решает ключевые организационные вопросы в сфере противодействия коррупции [9], Прокуратура России координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с коррупцией, а внешняя финансовая дисциплина и контроль публичных ресурсов подкрепляются механизмами государственного аудита [6, 7].

Профилактический смысл Закона о противодействии коррупции раскрывается через ограничения и обязанности раскрытия сведений, которые переводят риски из сферы подозрений в режим контролируемых юридических фактов. Ограничения, направленные на снижение финансовой уязвимости должностных лиц закреплены в виде запрета для установленных категорий лиц открывать и иметь счета (вклады) в иностранных банках, хранить денежные средства и иные ценности за пределами территории Российской Федерации, а также владеть и пользоваться иностранными финансовыми инструментами (ст. 7.1 Закона о противодействии коррупции). Одновременно проверяемость добросовестности обеспечивается режимом имущественной прозрачности: обязанностью представлять сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а в

предусмотренных законом случаях и о расходах, что формирует доказательный массив для контроля достоверности и полноты представляемых данных (ст. 8 Закона о противодействии коррупции).

С точки зрения комплаенса эти нормы важны прежде всего тем, что задают понятные правила работы. Они фиксируют сроки и формы предоставления сведений, порядок их проверки, условия запроса подтверждающих документов и алгоритм действий при выявлении расхождений. Если таких процедур нет, раскрытие информации быстро превращается в формальную отчетность [17]. Задача же регулирования состоит в том, чтобы по представленным данным можно было проверить состав имущества, подтвердить законность происхождения средств и исключить скрытую зависимость, способную повлиять на решения.

Центральным элементом профилактики выступает конфликт интересов, который в Законе о противодействии коррупции описан как ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) влияет или может повлиять на объективное исполнение обязанностей и вступает в противоречие с законными интересами граждан, организаций, общества или государства (ст. 10). Существенно, что законодатель фиксирует именно «возможность влияния», т. е. правовой режим ориентирован на предупреждение, а не на доказывание уже состоявшегося ущерба. Отсюда следует некая процедурная природа урегулирования: уведомление, рассмотрение, выбор управленческой меры (отвод от участия в решении, перераспределение полномочий, изменение состава комиссии, иные организационные действия) и фиксация принятых шагов. Дополнительное профилактическое значение имеют постслужебные ограничения, препятствующие капитализации прежнего статуса и доступа к информации через трудоустройство в заинтересованные организации. Институционально эту линию усиливают последствия в виде увольнения «в связи с утратой доверия» и публично-кадровый контур контроля, включая ведение реестра таких лиц [11]. Для организации, выстраивающей комплаенс, это означает необходимость не только закрепить запреты, но и создать воспроизводимые алгоритмы: идентификация заинтересованности, журнал уведомлений, сроки рассмотрения, стандарты мотивировки решений и контроль исполнения мер.

Ключевым связующим звеном между публичной антикоррупционной политикой и частным сектором является ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции, закрепляющая обязанность организаций принимать меры по ее предупреждению. Следовательно, оценка соблюдения положений ст. 13.3 неизбежно смещается в плоскость фактического внедрения и того, как нормы работают на практике, включая доведение требований до работников, обучение, реальность проверок контрагентов и посредников, контроль подарков и представительских расходов, а также прозрачность бухгалтерских

оснований и первичных документов. Практическая значимость этого особенно заметна в делах о незаконном вознаграждении от имени юридического лица, где ответственность установлена ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В таких делах правоприменитель оценивает не только сам эпизод, но и то, создала ли компания процедурные фильтры и реально ли применяла их для предотвращения или выявления неправомерного платежа [3].

Таким образом российская правовая основа комплаенса представляет собой связанную систему профилактических механизмов, которая одновременно снижает риски через ограничения и имущественную прозрачность, задает рамки для выявления и урегулирования конфликта интересов, устанавливает постслужебные барьеры и закрепляет обязанность организаций внедрять антикоррупционные меры.

Антикоррупционная экспертиза. Во многом самостоятельным превентивным инструментом российской антикоррупционной политики выступает антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов [13]. Ее назначение отличается от контроля и ответственности: она ориентирована не на поведение конкретного лица и не на разбор уже возникшего нарушения, а на выявление в тексте нормативного правового акта или его проекта таких формулировок и конструкций, которые заранее создают благоприятные условия для злоупотреблений. Тем самым профилактика переносится на стадию подготовки правового материала и позволяет уменьшать риски еще до того, как они закрепятся на законодательном уровне.

Правовая основа института антикоррупционной экспертизы закреплена соответствующим Федеральным законом от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», который определяет круг субъектов экспертизы и общий порядок ее проведения [5]. Ключевым результатом такой экспертизы должно быть мотивированное заключение с указанием выявленных коррупциогенных факторов и предложениями по их устранению.

Для единообразия подходов и сопоставимости выводов антикоррупционной экспертизы Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 г. № 96 утверждены Правила и Методика ее проведения [10]. В практическом плане это означает, что экспертиза строится как формализованная проверка по заранее заданным критериям, ориентированным на юридическую определенность, проверяемость условий применения и прозрачность процедур.

Безусловная ценность Методики в том, что она фокусирует внимание на типичных источниках регуляторных рисков. Например, в ситуации, когда итоговое решение чрезмерно зависит от усмотрения должностного лица из-за отсутствия четких оснований, сроков, условий,

критериев или процедур, а также из-за конструкций, допускающих неодинаковое применение нормы при сходных фактических обстоятельствах. Отдельную группу рисков образуют случаи, когда регулирование создает затруднительную для исполнения модель поведения для граждан и организаций: требования сформулированы неопределенно, допускают двусмысленное толкование либо выстраивают непропорциональные барьеры, провоцирующие обращение к «посредникам» и неформальным каналам. В обоих блоках ключевой юридический смысл один: чем яснее правило и чем детальнее порядок его реализации, тем меньше окон для давления, вымогательства и выборочного предоставления преимуществ.

Институционально антикоррупционная экспертиза осуществляется несколькими субъектами, что повышает ее устойчивость как механизма профилактики. Существенную роль в этом играет Прокуратура Российской Федерации, которая проводит экспертизу в пределах компетенции и в установленном порядке, выступая внешним контролером качества нормотворческого результата и его потенциальной коррупциогенности. Параллельно Министерство юстиции Российской Федерации реализует экспертную и контрольную функцию в рамках своих полномочий, в том числе при работе с проектами нормативных правовых актов и при юридической оценке принятых актов в предусмотренных законом процедурах. Наряду с этим экспертиза проводится органами и организациями в отношении собственных проектов и актов при правовой экспертизе и мониторинге применения.

Можно констатировать, что существующая многоуровневая архитектура снижает риск внутреннего согласования без внешней проверки, так как даже при ведомственной разработке текста сохраняется вероятность внешнего выявления представляющих угрозу законности формулировок.

Значение изучаемого института для правоприменения проявляется через обязательность рассмотрения выводов экспертизы и через корректировку проекта на стадии до принятия акта либо через устранение проблемных положений при доработке. В итоге антикоррупционная экспертиза переводит антикоррупционную профилактику в систему юридически определенных процедур и компетенций. Для антикоррупционного комплаенса это имеет прикладное продолжение: бизнес-процессы и внутренние регламенты неизбежно опираются на требования, задаваемые государством, а качество этих требований напрямую влияет на управляемость рисков в закупках, разрешительных взаимодействиях и контрольных режимах.

Международные стандарты антикоррупционного комплаенса целесообразно описывать через связку *hard law* и *soft law* («жесткое право» и «мягкое право»), поскольку именно она объясняет, почему корпоративные процедуры оцениваются не только по буквальному

соответствию национальному закону, но и по определенному ожидаемому минимуму добросовестности в трансграничном обороте. Так называемое *hard law* формирует обязательный для государств каркас: криминализация ключевых форм подкупа, ответственность организаций (в совместимой с правопорядком форме), финансовая прозрачность, международная правовая помощь и возврат активов. При этом *soft law*, не создавая договорных обязанностей, подразумевает собой критерий должной осмотрительности: банки, аудиторы и контрагенты ориентируются на него при проверке, а правоприменитель нередко использует его как своего рода фон для оценки разумности мер контроля и управляемости рисков.

Универсальной основой *hard law* в сфере противодействия коррупции выступает Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (UNCAC) [1]. Ее прикладное значение для комплаенса выражается в профилактике коррупционных рисков: Конвенция последовательно связывает предотвращение коррупции с бухгалтерской дисциплиной, прозрачностью процедур и прослеживаемостью экономических выгод. Особенно показательна ориентация вышеупомянутой Конвенции ООН на частный сектор (ст. 12): государствам предлагается не ограничиваться декларациями, а выстраивать режим, препятствующий типичным способам маскировки неправомерного преимущества через учет и документооборот (фиктивные расходы, подложные документы, преждевременное уничтожение записей) [19, 20].

В корпоративной плоскости это трансформируется в критерий юридической пригодности процедуры, который позволяет отличить добросовестную хозяйственную операцию от формально легализованной, но по своей сути экономически необоснованной транзакции. Речь идет о способности организации в любой момент восстановить логику принятия решения и экономическое содержание платежа: установить его деловую цель, определить основание возникновения обязательства, проследить маршрут согласования внутри компании и соотнести произведенный платеж с фактически достигнутым результатом. Если же платеж подтвержден исключительно формальным набором документов – договором, актом и платежным поручением, без возможности показать, какие управленческие решения ему предшествовали, какие функции были реально выполнены и каким образом результат соразмерен вознаграждению, такая операция утрачивает признаки юридически осмысленного хозяйственного действия и приобретает характеристики транзакции с повышенным коррупционным риском.

Специализированные режимы запрета иностранного подкупа в определенном смысле задают иной угол зрения: риск для компании формируется не только национальным уголовным правом страны присутствия, но и экстерриториальными стандартами и трансграничной

финансовой инфраструктурой. В рамках Конвенции об Организации экономического сотрудничества и развития (далее – Конвенция ОЭСР) о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих операций 1997 г. и национальных правовых порядков, имплементирующих ее положения, акцент смещается с формального статуса лица на его фактическую вовлеченность в осуществление публичных функций. Для квалификации риска определяющим является не принадлежность к корпусу государственных служащих, а функциональная связь лица с публичными полномочиями, включая работников государственных предприятий, публичных агентств и иных структур, через которые реализуется государственное влияние. Существенное значение при этом придается использованию посредников, агентов и консультантов, рассматриваемых как потенциальный канал передачи неправомерной выгоды, что позволяет охватывать ситуации опосредованного воздействия на принятие решений независимо от формального положения конечного получателя [2]. Отсюда вытекает характерный набор коррупционных рисков: привлечение агентских и консультационных услуг без подтверждаемого результата; вознаграждение, зависящее от достижения управленческого решения; использование спонсорских и маркетинговых расходов в качестве прикрытия; искусственное дробление платежей, а также перечисление денежных средств в пользу лиц, не совпадающих с договорным контрагентом.

Именно здесь *soft law* приобретает практическую силу. Руководства и рекомендации (включая методические материалы Конвенции ООН против коррупции, отраслевые принципы, стандарты делового поведения и правила саморегулирования, используемые Международной торговой палатой) описывают комплаенс как набор минимально необходимых контрольных контуров: ответственность руководства, оценку уязвимых процессов, проверку контрагентов и посредников, контроль представительских расходов, каналы сообщений и защиту заявителей, внутренние проверки и корректирующие меры, а также документальную доказуемость реальности и экономической обоснованности хозяйственных операций [21]. Для внешней проверки (банк, аудитор, ключевой заказчик) такие документы становятся удобным языком оценки: отклонение от рекомендаций само по себе не образует правонарушения, но затрудняет доказательство добросовестности и повышает вероятность неблагоприятной реконструкции событий, особенно при трансграничном запросе или комплаенс-аудите. В результате международные стандарты комплаенса работают как двухуровневая модель регулирования, где *hard law* фиксирует обязательные запреты и государственные механизмы пресечения, а *soft law* превращает эти запреты в операциональные критерии должной осмотрительности.

Международные стандарты антикоррупционного комплаенса целесообразно систематизировать по трем взаимосвязанным уровням: универсальному (ООН), региональному (европейские механизмы) и специализированному (режимы запрета иностранного подкупа и корпоративные стандарты должной осмотрительности). Такое деление позволяет показать, какие нормы формируют обязательный минимум для государств, какие механизмы обеспечивают мониторинг исполнения, а какие – задают прикладные критерии проверки добросовестности в трансграничном обороте.

Первый уровень – универсальный: Конвенция ООН против коррупции 2003 г. формирует базовый контур, одинаково релевантный для публичного управления и частного сектора: профилактика, криминализация ключевых коррупционных деяний, финансовая прозрачность, международное сотрудничество, возврат активов, а применительно к бизнесу – требования к внутреннему контролю и бухгалтерской дисциплине как к способу сформировать институциональные и процедурные барьеры для коррупционных практик (ст. 12).

Второй уровень представлен региональными механизмами (Совет Европы и ГРЕКО). Именно региональный контур в европейской модели традиционно давал наиболее «жесткую» плотность стандартов благодаря сочетанию конвенционных обязательств и мониторинга их исполнения через Группу государств против коррупции (GRECO). Однако для Российской Федерации после 2022–2023 гг. данный контур утратил практическую применимость: прекращение членства в Совете Европы повлекло прекращение участия Российской Федерации в GRECO и соответствующих мониторинговых процедурах, а затем была оформлена денонсация Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (ETS 173) [8].

Третий уровень – специализированные режимы (ОЭСР и иные стандарты делового оборота). Условно формируемая специализированная плоскость строится вокруг запрета иностранного подкупа и корпоративной ответственности, где риск для компании возникает не только из национального закона страны присутствия, но и из трансграничных стандартов финансовой инфраструктуры. В данной архитектуре ключевой особенностью является повышенное внимание к посредникам и маскирующимся коррупционным конструкциям. При этом важно зафиксировать положение Российской Федерации в данной системе: участие в рабочих форматах и большинстве процедур Рабочей группы ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц приостановлено в силу решения Совета ОЭСР, при сохранении мониторинга в объеме, предусмотренном ст. 12 Конвенции ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках. Следовательно, данный уровень для Российской

Федерации функционирует преимущественно как внешний стандарт оценки со стороны иностранных контрагентов, аудита и финансовых институтов, а не как полноценный канал регулярного методического сопровождения и участия в рабочих механизмах [22].

В итоге трехуровневая система для Российской Федерации в 2022–2026 гг. приобретает неоднородную структуру. Универсальная рамка ООН сохраняет нормативную и методическую релевантность как *hard law* глобального уровня [23]. Региональный европейский контур Совета Европы/GRECO для Российской Федерации прекращен и не может рассматриваться как действующий источник обязательств и мониторинга. Специализированный уровень (ОЭСР и *soft law* делового оборота) сохраняет прикладное значение главным образом как внешний стандарт добросовестности в трансграничных отношениях и как набор критериев, через которые финансовая инфраструктура и контрагенты оценивают допустимость операций и возможные риски.

Резюмируя, можно отметить, что антикоррупционный комплаенс раскрыт как организационный механизм профилактики, который переводит запреты и ограничения из уровня деклараций в проверяемые процедуры и доказуемые управленческие решения. Показано, что российская модель противодействия коррупции фактически оценивает качество и применимость процедур контроля, обеспечивающих прозрачность деловой цели операций, управляемость посреднических отношений и документируемость согласований. Одновременно систематизация международных стандартов по трехуровневой модели (ООН – региональные европейские механизмы – специализированные режимы и *soft law*) позволила уточнить современное положение Российской Федерации в международном контексте противодействия коррупции.

Для усовершенствования отечественной системы комплаенса представляется целесообразным рассмотреть введение следующих мер. Во-первых, установить требование для обязательного закрепления в локальных нормативных правовых актах перечня критериев и доказательственных требований по уязвимым операциям (посредники, консалтинг, маркетинг/спонсорство, представительские расходы). На этом уровне регулирования может быть установлен минимально необходимый перечень документов и цифровых следов, позволяющих подтвердить фактический результат и соразмерность вознаграждения. Во-вторых, разумным видится развивать контур контрагентского и посреднического контроля как документированную процедуру оценки рисков, в рамках которой фиксируются основания допуска или отказа во взаимодействии, а также условия и периодичность последующего контроля. В-третьих, требуется закрепить регулярную проверку работоспособности механизмов комплаенса на основе риск-ориентированных критериев, применимых в трансграничном обороте.

Такая проверка позволяет заранее выявлять и устранять недостаточность документального обоснования по уязвимым операциям до того, как соответствующие сведения будут затребованы банками, аудиторами или ключевыми контрагентами. Это снижает риск приостановления расчетов и предъявления дополнительных требований.

Учитывая сложность и многоаспектность рассмотренной тематики необходимы дальнейшие комплексные исследования в сфере антикоррупционного комплаенса с целью дальнейшего совершенствования действующего законодательства Российской Федерации.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конвенция ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (заключена в г. Париже 17.12.1997 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902343859> (дата обращения: 19.02.2026).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 28.02.2023 г. № 42-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2023 г. № 368 (ред. от 26.06.2023 г.) «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции» (вместе с «Положением об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции») // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 г. № 96 (ред. от 20.04.2024 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с Правилами проведения антикоррупционной экспертизы и Методикой ее проведения) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2018 г. № 228 (ред. от 12.07.2023 г.) «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия» (вместе с «Положением о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия») // СПС «КонсультантПлюс».

12. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции // Официальные разъяснения и рекомендации Минтруда России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.02.2026).

13. Антонова Н.А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов и гарантии обеспечения ее эффективности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4(76). С. 51–58.

14. Артемьев А.А., Зайковский В.Н., Лепехин И.А. Проблемы действующего российского антикоррупционного законодательства и предложения по их разрешению // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 2(58). С. 76–84.

15. Ковалева Н.В. Понятие, цели и признаки административных процедур // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 5. С. 84–92.

16. Ковалева Н.В. Социальное и технико-юридическое регулирование в обществе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 18–24.

17. Ковалева Н.В. Изменение в структуре правоотношений как фактор социальных опасностей в эпоху современных трансформаций // Преступность. Общество. Безопасность: сборник научных статей по материалам Международного форума и международной научно-практической конференции (к 100-летию со дня рождения профессора С.В. Бородина) и круглого стола, Москва, 31 октября 2024 г.: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2024. С. 82–86.

18. Ткачук Т.А., Ключникова М.А. Сфера государственных закупок как почва для коррупционных преступлений // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 60–68.

19. Законодательное руководство по осуществлению Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: вторая переработанная редакция, 2012 // Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Вена, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/> (дата обращения: 19.02.2026).

20. Антикоррупционная этика и комплаенс-программа для бизнеса: практическое руководство // Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Вена: Организация Объединенных Наций, 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2013/An_Anti-Corruption_Ethics_and_Compliance_Programme_for_Business.pdf (дата обращения: 19.02.2026).

21. Правила Международной торговой палаты по противодействию коррупции (ICC Rules on Combating Corruption). Париж: Международная торговая палата (ICC), 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://iccwbo.org/news-publications/policies-reports/icc-rules-on-combating-corruption/> (дата обращения: 19.02.2026).

22. Статус ратификации Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (по состоянию на сентябрь 2024 г.). Париж: Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub>

issues/fighting-foreign-bribery/OECD%20WGB%20Ratification%20Status%20-%20September%202024.pdf (дата обращения: 19.02.2026).

23. Статус подписания и ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC) [Электронный ресурс] // Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC): официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/corruption/en/uncac/ratification-status.html> (дата обращения: 19.02.2026).

Об авторе:

КОВАЛЕВА Наталья Витальевна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8); профессор ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (Россия, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, дом 99), SPIN-код: 7445-8801, AuthorID: 581160; e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Anti-Corruption compliance: international standards and current legislation of the Russian Federation

N.V. Kovaleva

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Moscow
State University of Management, Moscow

The article examines anti-corruption compliance as a preventive mechanism that translates prohibitions and restrictions into verifiable corporate procedures. It analyzes the requirements of Russian legislation, the link between compliance and administrative liability, and the role of anti-corruption expert review. It also shows the significance of universal UN standards and external “soft law” criteria for cross-border business.

Keywords: *anti-corruption compliance, corruption prevention, conflict of interest, anti-corruption expert review, intermediary schemes, illegal remuneration.*

About author:

KOVALEVA Natalia – Doctor of Law, associate professor, chief researcher at the Scientific Research center of the Academy of Management of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation (8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia); Professor, State University of Management (Russia, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542), SPIN-code: 7445-8801, AuthorID: 581160; e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Ковалева Н.В. Антикоррупционный комплаенс: международные стандарты и действующее законодательство Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 56–68.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026 г.

Подписана в печать 12.06.2026 г.